

Волкова Анна Владимировна

БУНТ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Автор определяет бунт как традиционное (архетипичное) проявление народного сознания, связанное с противоречивым отношением россиян к свободе и государству, к закону и справедливости. Протестная традиция связывает новейшие явления российской политической жизни (сетевые формы организации протестной активности граждан) с событиями и явлениями общественной жизни в ранней российской истории (локальные народные бунты). В практике публичного выражения недовольства в рамках правового государства в России, наряду с традиционными, возникают новые черты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 49-53. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

EDUCATION DEVELOPMENT IN RURAL AREAS AT THE BEGINNING OF THE 1990S: DIFFICULTIES AND PROBLEMS

Vlasov Sergei Dmitrievich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saratov State Social-Economic University
ale-rybkov@yandex.ru

The author considers the problems and difficulties of education development within rural areas in the 1990s, pays special attention to the analysis of the social-economic conditions typical of the rural school at the beginning of the 90s, and tells that radical reforms changed economic and political realia that led to the sharp reduction of social sphere financing in general and education in particular.

Key words and phrases: education; rural school; ungraded school; reformation.

УДК 323.22

Политология

Автор определяет бунт как традиционное (архетипичное) проявление народного сознания, связанное с противоречивым отношением россиян к свободе и государству, к закону и справедливости. Протестная традиция связывает новейшие явления российской политической жизни (сетевые формы организации протестной активности граждан) с событиями и явлениями общественной жизни в ранней российской истории (локальные народные бунты). В практике публичного выражения недовольства в рамках правового государства в России, наряду с традиционными, возникают новые черты.

Ключевые слова и фразы: протестное поведение; политическая культура; традиции; ценности; бунт; легитимация в общественном сознании.

Волкова Анна Владимировна, к. соц. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
AV.Volkova@rambler.ru

БУНТ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ[©]

Политическую культуру по праву называют «человеческим измерением политики», поскольку она связывает воедино политические институты и процессы с политическим сознанием через образцы поведения, ценности, установки. Политические традиции как важнейшие компоненты политической культуры – это устойчивые специфические проявления принципов организации духовной и практической деятельности, передающиеся от поколения к поколению на основе отобранного и переработанного опыта. Они поддерживают, в силу своего повторяющегося характера, присущую данному социуму определенную систему ценностей. И интерес политологического сообщества к традициям и особенностям политической культуры как составляющей российской политики (особенно к протестному поведению) после завершения знакового, с точки зрения легитимации власти, электорального цикла 2011-2012 гг. вполне обоснован.

Но, несмотря на то, что сегодня протест выступает относительно самостоятельным предметом научного исследования, в определениях протестного поведения отечественными политологами встречаются серьезные противоречия: протест понимается очень широко (от абсентеизма на выборах до вооруженных выступлений и терроризма), что расширяет протест до форм политического участия, но затрудняет его изучение [15].

Необходимо уточнить, что в отечественной историографии для определения стихийного проявления общественного недовольства использовались различные синонимы: «бунт», «усобица», «волнение», «смута», причем их употребление носило случайный характер. Различные формы народных выступлений (протесты, бунты) рассматривались в российской и советской исторической литературе с точки зрения описания феномена. А понятие «протест» исторически трактовалось как гласное (публичное) заявление своего несогласия в ходе судебного процесса, как «оглашаемое возражение, опровержение, заявление о незаконности какого-то дела, непризнание, отрицание» [5, с. 421]. Заимствованное из немецкого языка в начале XVII века, оно долгое время относилось исключительно к правовой сфере, да и сегодня специализированные юридические издания дают ему максимально четкое определение: «... (от лат. *protestor* – публично доказываю) возражение. В праве РФ одна из форм надзора за соблюдением законности; заключается в мотивировке возражений прокурора против судебного или управленческого акта» [2]. В условиях Российской империи, как и в СССР, публичное выражение недовольства системой государственного управления (политический протест), несмотря на разные идеологические установки, было вне правового поля.

Примером глубокого и подробного изучения темы народного бунта могут послужить работы русских исследователей В. О. Ключевского [8], С. М. Соловьева [14], С. Ф. Платонова [11], И. Е. Забелина [6], Н. И. Костомарова [9], посвященные концу XVI – началу XVII века. «Смутное время» – самое длительное народное (общероссийское) волнение, а потому исследование его причин, событий, последствий заняло

особое место в отечественной историографии. Анализируя эти материалы, можно сделать интересные выводы об особенностях восприятия народом государственной власти, выявить основания легитимации бунтов в народном сознании, рассмотреть бунт и проблему свободы личности в российской политической культуре.

С. М. Соловьев, например, считал первой причиной смуты дурное состояние народной нравственности, явившееся результатом столкновения новых государственных начал со старыми (дружинными), что и выразилось в борьбе московских государей с боярством. Другой причиной смуты, по его мнению, явилось чрезмерное развитие казачества с его противогосударственными стремлениями. А значит, Смутное время он понимал как время борьбы общественного и противообщественного элементов в молодом Московском государстве, как противодействие государственному порядку со стороны старых дружинных начал и противообщественного настроения казацкой среды [14]. Воззрениям Соловьева противостоял К. С. Аксаков, считавший смуту фактором случайным, не имевшим глубоких исторических причин [11]. Иная теория выдвинута И. Е. Забелиным: причины смуты он видит не в народе, а в «правительстве». Боярская дума давно уже крамольничала и готовила смуту, а сирота-народ в деле смуты играл пассивную роль и спас государство в критическую минуту [6, с. 249]. Интересна и точка зрения Н. И. Костомарова, считавшего, что в смуте виновны все классы русского общества, но причины этого бурного переворота следует искать не внутри, а вне России, ибо внутри были лишь благоприятные условия, а сама причина была в папской власти, в работе иезуитов и в видах польского правительства. Именно вмешательство извне породило смуту, придало ей столь тяжелый характер и такую продолжительность [9]. Академик С. Ф. Платонов полагал, что «причины Смуты несомненно лежали столь же в самом московском обществе, сколь и вне его» [11, с. 249].

Интерес к исследованию российской Смуты вновь обозначился в связи с драматическими событиями начала 1990-х, когда это явление предложили рассматривать как типичное для политической жизни России, т.е. более широко применять термин «Смутное время». Примечательна в этой связи статья Я. Браткевича «Смуты в России: попытка оценок и прогнозов», в которой он попытался выявить закономерности возникновения, развития, затухания любой народной смуты. Ссылаясь на работы Н. А. Бердяева и других российских авторов, писавших о «прерывности» российской истории, о колебаниях страны между цивилизациями Запада и Востока, он считал смуты «одним из важнейших факторов, обуславливавших такие колебания» [3, с. 32]. Смуты являлись имманентными факторами укрепления характерных черт российской цивилизации, придающих ей своеобразие и идентичность, что в полной мере относится и к советскому периоду.

Но вопросы о том, как воспринимался бунт самим народом, какие причины оказывались достаточно серьезными для открытого выражения недовольства и, наконец, какую связь имеет «бунтарская традиция» с особенностями национального характера, с традициями политической культуры, по-прежнему оставались открытыми.

В отечественной литературе одними из первых и, как мне кажется, наиболее удачных попыток изучения темы бунта в связи с особенностями российского мировоззрения, национального характера являются исследования Н. А. Бердяева [1] и Н. О. Лосского [10]. В них впервые обозначена взаимосвязь российской политической культуры и русского характера, определены их «двойственность» и противоречивость.

Если вспомнить русский народный фольклор, то можно найти довольно странные для обожания и народного поклонения образы «вольных гуляк» и «героев». Примером здесь может послужить воспетый в новгородских былинах Василий Буслаев, который «не верит ни в сон, ни в чох», пьянствует, грабит, убивает [7]. А сколько легенд, сказаний, песен ходит по Руси о «славном» Стеньке Разине! Жестокость народных героев, бессмысленная во множестве случаев, не только прощается и забывается им, но порой воспринимается как подвиг и «благое» дело. С другой стороны, важнейшей чертой российской духовной жизни выступает «искание абсолютного добра», стремление жить «по совести», связанное с глубокой народной религиозностью. Жития русских святых, передаваемые из поколения в поколение, свидетельствуют о ценностях иных, чем те, что воспеты в сказаниях о Василии Буслаеве или о Степане Разине.

Склонность к анархии, протест против любого ограничения свободы личности, заложенные в глубине русской души, в общественно-политической жизни выразились как протест против государственного насилия, но неосознанное стремление к «абсолютному добру», чуткое осознание добра и зла, заставляющее отказать от разрушительной анархии, становится причиной поддержки народом государства, «поддержки против анархии». Эти две тенденции, две особенности российского мировоззрения сосуществуют в постоянном противоборстве и накладывают свой отпечаток на все сферы жизни, в том числе и на политическую жизнь общества, на политическую культуру.

Проанализировав восприятие верховной власти народом, можно отметить одну существенную особенность: критерием легитимности в большинстве случаев выступает не законность, не рациональность, а, скорее, ощущение справедливости, объединившее и традиции, и религиозные представления, и какие-то чисто условные моменты и вечное понятие «поступать по совести». Причем нормы закона выступали вторичными по отношению к нормам морали, религиозным нормам, «ощущению справедливости». И если вдруг возникали сомнения в справедливости поступков властителей, вот тут-то и начинался народный ропот, проявлявшийся по-разному при различных исторических обстоятельствах, в разное время, но всегда носивший исключительно яркий и эмоциональный характер. Так происходили изгнания князя (а иногда и война с ним) в Новгороде, так начинался бунт...

В. О. Ключевский отмечал, что в основе любого из бунтов лежало недовольство внутренним порядком, однако далеко не всегда оно выливалось в выступление против государственной власти [8, с. 49]. Зачастую в ходе стихийных бунтов (бунт на Белом озере, чумные бунты), как только потребности были удовлетворены, «справедливость» восторжествовала, бунт затихал сам собой, наступало покаяние. В XII-XIV вв. Новгород был местом неоднократных, разных по силе бунтов, усобиц (усобных ратей), вызванных недовольством народа кем-либо из «властителей», но проходила расправа – и жизнь возвращалась в прежнее русло.

В Московском же государстве вплоть до конца XVII в. хоть и возникало, довольно серьезное порой, недовольство действиями правящей власти, выливавшееся в более или менее масштабные выступления, но никогда народное восстание не доходило до восстания против самой власти, обычно оно кончалось расправой с «аппаратчиками», в этом проявлялась специфика народного отношения к государству: с одной стороны, народ признавал за собой «право бунта» как реакцию на несправедливость власти, поставленной народом для своего же блага, с другой стороны, царь – фигура сакральная (здесь сказывалось и влияние христианской церкви), «царь хороший, бояре плохие».

Бунты Смутного времени и после него носили уже несколько иной характер, связано это было с пресечением династии (т.е. потеря законного «собственника земли Русской») и избранием царя, которое по самой новизне дела не считалось достаточным оправданием государственной власти. Призрак «царя-самозванца» сохранился на века, а весь XVII в. – время жесточайших народных бунтов, в которых В. О. Ключевский не усмотрел «ни тени не то что благоговения, а и простой вежливости и не только к правительству, но и к самому носителю верховной власти» [Там же, с. 226]. Так, всенародное обвинение тестя царя И. Милославского в финансовых махинациях вызвало Медный бунт 1662 г. в Москве. Мятежники, пришедшие в Коломенское, «царя держали за пуговицы кафтана и заставили обещаться богом и с одним из мятежников ударить по рукам на обещании, что он сам расследует дело» [Там же, с. 241]. В этом эпизоде, несмотря на резкость проявления народного отношения (какого не могло быть ни в XV, ни в XVI в.), можно заметить, что для бунтовщиков царь остается по-прежнему последней, решающей инстанцией.

Противоречивость восприятия власти и моральная скованность в возможностях публичного выражения несогласия приводили к определенному сценарию локальных бунтов (в качестве примеров могут выступить бунт на Белом озере в XI в., Новгородские усобицы XII–XIV вв., Московские бунты XVII в. и т.д.), когда недовольство деятельностью власти или отдельных ее представителей выливалось в масштабные протесты, вплоть до явного насилия, но никогда не доходило до восстания против самой власти. Такие народные протесты кончались, как правило, расправой с «аппаратчиками» и установлением «условной справедливости», а варианты формулировки «царь хороший, бояре плохие» не теряли своей актуальности на протяжении всей российской истории и сохраняются по сей день.

Единственным примером, когда серия локальных выступлений привела к смене режима власти, остаются события 1905–1907 гг., но здесь как раз уместно вспомнить о внешних факторах, роль которых оказалась решающей.

Рассматривая основания легитимации русских народных бунтов, можно выделить «свободу» (воли, духа) народа как одну из существенных причин легитимации бунтов в народном сознании, следует хотя бы кратко рассмотреть концепции, выделившиеся в ходе развития политической мысли, связанные с проблемой свободы личности, свободы народа.

Данной проблемой занимались и занимаются в настоящее время теоретики либерализма, однако восприятие свободы (личности, общества) как основания для бунта, революции, разрушения и полного уничтожения государства характерно для анархизма. Не будет преувеличением, если сказать, что в развитие теории анархизма русские мыслители внесли наибольший вклад, стали поистине классиками анархизма. Так, исследуя природу человека, М. А. Бакунин отмечает, что «стремление к свободе, склонность к протесту против подчинения, к бунту против власти он считает не только врожденным качеством человека, но и достаточно осознанным им под влиянием совершающегося в обществе угнетения» [12, с. 45].

Распространение теории анархизма в России не было фактом случайным, его проповедники считали «русскую почву» наиболее благоприятной для воплощения в жизнь своих идей, основывая свои убеждения опять же на специфике русского характера, на особенностях культуры, и в этом они не были абсолютно неправы. Они уловили «природный» российский анархизм, они уловили неприятие русскими государственного «насилия», отдаленность народа от государства, наконец, они трактовали народные бунты как попытки полностью освободиться от государства, установить в политической жизни принцип «мирского самоуправления», присущий общине.

Однако российские теоретики-анархисты XIX–XX вв. практически оставили без должного внимания и другие стороны «русского мировоззрения»: признание народом порочности своего анархизма, стремление к государственному устройству (поскольку лишь оно способно обеспечить стабильность и порядок), высокую степень ожидания «государственной милости» от персонифицированной государственной власти, наличие «этикетских ценностей» в политической культуре. В настоящее время преемниками и носителями идей анархизма выступают представители национал-большевистской партии (ныне запрещенной), преобразовавшейся в «Другую Россию», но и они не свободны от стереотипов доктрины.

Исторически русский народный бунт не являлся выступлением против государственной власти, против государства вообще, а был, скорее, реакцией на деятельность этой власти в конкретное время, в силу конкретных причин, кстати, из-за своей необычайной терпимости россияне не слишком часто прибегали к этой мере. Бунт можно назвать, скорее, «демонстрацией» силы или «воли» народа, напоминанием о том, что народная воля суверенна, оформившись посредством царской власти, она не подчинена ей.

Основанием для бунта могли выступать как ослабление какого-либо фактора легитимации верховной власти, так и нарушение со стороны государства (властителя) норм морали, несправедливость в отношении народа, воспринимавшаяся как покушение на свободу. В этом плане особенно трудными, кризисными периодами были времена реформ. Практически всегда, спровоцированные и проводимые правительством под влиянием обстоятельств, они в силу своих «традиционно русских» особенностей вызывали общественное недовольство, бунт, который был зачастую и посылкой к началу преобразований, и реакцией народной массы на изменения в жизни общества.

Современные исследования закономерностей возникновения, развития, затухания народного протеста, анализ исторического опыта позволяют нам рассматривать это явление как типичное для политической жизни России. Бунт – это своеобразная форма народного участия в общественно-политической жизни, имеющая характер протестной традиции, к закономерным проявлениям которой можно отнести следующее:

1) наличие примерно равных по силе противоречивых тенденций, связанных с кризисом государства и общества;

2) косвенной причиной протеста, как правило, оказывались фундаментальные реформы, инициированные центральными властями, но носящие половинчатый, незавершенный характер. Эти традиционные особенности вызвали общественное недовольство, вплоть до открытого бунта;

3) протест традиционно носит яркий эмоциональный характер, сопровождается всплеском политического фольклора (частушки, лубок, скоморохи);

4) с традиционной двойственностью восприятия русским народом своего государства и правительства связана легитимация бунтов в народном сознании как права на протест. «Право бунта» в российской политической культуре – это реакция на несправедливость власти, поставленной народом для своего блага, причем нормы закона у нас всегда были вторичны по отношению к нормам морали, религиозным нормам, к «ощущению справедливости».

Очень важно, что в противовес этой традиции в протестных акциях электорального цикла 2011-2012 гг. (возможно, впервые в российской политической истории) «закон» и «честность» («справедливость») стали синонимами. Граждане выступили с требованием «честных выборов», иными словами, с требованием соблюдать существующее избирательное законодательство, хотя до выборов реформирование избирательного законодательства в 2004-2011 гг. подвергалось активной критике.

Расширение сферы публичного в России, «рождение публичной политики» сегодня часто связывают с масштабными акциями, зародившимися в недрах социальных сетей, в Интернете, а затем прокатившимися по улицам, городам – страны. Это и акции болельщиков (за честный суд в отношении выходцев с Кавказа), и деятельность общества автомобилистов («Синие ведерки»), и история борьбы за Химкинский лес (экология), за сохранность архитектурных памятников (культурных ценностей) в крупных городах (борьба с Охта-центром в Санкт-Петербурге, сохранение Кадашинской слободы в Москве). Катастрофические пожары в России в августе 2010 г. пробуждают мощное добровольческое движение, в основе которого традиционные идеи соучастия, сострадания. Возможно, это была крупнейшая (общероссийская) добровольная и стихийная общественная мобилизация в новейшей истории России. Наконец, история протестного движения «За честные выборы» является примером того, как начавшееся в социальных сетях взаимодействие, обсуждение ущемленных интересов, эмоциональное общение подтолкнули к реальному гражданскому участию. Во всех случаях объединение людей носило ярко выраженный моральный характер, имело в основе такие ценности, как честность, соучастие, взаимопомощь, сохранение культурных и природных ценностей.

Но проблема развития сетевого (партнерского, доверительного) взаимодействия, основанного на доверии, становится особенно актуальной именно для России, поскольку российские традиции, такие как преобладание интересов государства над интересами личности, отсутствие потребности в гражданском корпоративном общении и ценность общения напрямую с «царем», почти безграничное терпение и многие другие, слишком устойчивы.

В ходе знакового электорального цикла 2011-2012 гг. ярко проявились те новые по характеру и законам функционирования формы гражданской активности и гражданского протеста (локальные общественные организации, не связанные с политическими партиями), которые российские политологи исследовали ранее в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и повышением сетевой активности граждан. Из всех видов протестной активности – протесты системной оппозиции, деятельность внепарламентской организованной оппозиции и стихийные локальные протесты, носящие сетевой характер, – последние в наибольшей степени соответствуют российской бунтарской традиции. И, как показала практика электорального цикла 2011-2012 гг., именно они имели наибольшую силу и явились проблемой для действующей власти.

Среди присутствовавших в декабре 2011 г. на Болотной площади в Москве (на митинге с наибольшим участием представителей среднего класса в современной России) витала идея о недопустимости хаоса, «оранжевой» революции, а впоследствии ими дискутировалась возможность избрать В. В. Путина на очередной срок со второго тура (в качестве назначения). Вместе с тем традиционного наказания «плохих бояр» не произошло. По итогам электорального цикла 2011-2012 гг. обществом ожидаемы были хотя бы имитация проверок, отставка хотя бы наиболее одиозных представителей избирательных комиссий (В. Чурова или хотя бы авторов «числа Чурова» в Ростовской области), имитация разбирательств через создание многочисленных комиссий, через рассмотрение надзорными органами и прочие шаги. Вместо этого первые лица выступили с отрицанием очевидных нарушений, и чем абсурднее были официальные возражения и разъяснения, тем выше был уровень ответного недовольства и агрессии. На основе эмпирических данных о локальных протестах исследователи сделали вывод о том, что «несмотря на имевший место “выпуск пара”, в долгосрочной перспективе перед органами власти встает проблема решения существующих социально-экономических противоречий, в противном случае ситуация может значительно ухудшиться» [13, с. 151].

Таким образом, рассмотрение протеста в контексте исследования политической культуры и системы публичных ценностей позволяет говорить об определенной протестной традиции, связывающей новейшие явления российской политической жизни (к примеру, сетевые формы организации протестной активности граждан) с событиями и явлениями общественной жизни в ранней российской истории (локальные народные бунты).

Протестная традиция относится к числу наиболее значимых и ярких традиций российской политической культуры, она сформировалась в конкретных исторических условиях и веками соотносилась с другими традиционными особенностями (низкий уровень правовой культуры, отчуждение общества и государства). Сегодня возникает искушение говорить о новых протестных традициях в России, таких как акции 31 числа или протестные лагеря («ОккупайАбай» в Москве, весна 2012 г.), но следует отметить, что формирование традиций политической культуры – длительный процесс, а заимствования западного опыта никогда не усваивались полностью, а существенно деформировались и приобретали уникальные черты.

Опыт публичного выражения недовольства существующими политическими институтами или политическими процессами в рамках правового государства в России невелик. Несмотря на провозглашение России правовым государством в преамбуле Конституции РФ, современный путь становления правового государства сложен и неоднозначен. В процессе установления правил поведения в публичной сфере, когда и государство, и гражданское общество активно взаимодействуют, к взаимодействующим сторонам предъявляются достаточно высокие требования [4]. Тот факт, что протест не обрел единого лидера, а протестующие не сформировали «положительную программу», во многом объясняется традиционными установками и ценностями, среди которых слабость горизонтальных связей и незначительный опыт социальной кооперации, страх перед потрясениями. Масштабная волна протеста раскололась «по интересам», а единый вначале лозунг «За честные выборы» спустя год уступил место локальным протестам против несправедливости конкретных уголовных дел, против произвола властей и конкретных силовиков.

Наряду с необходимой работой органов государственной власти по разработке и реализации законов, регулирующих гражданскую активность и гарантирующих право на выражение своей позиции (законы о митингах и гайдпарках, о легальных формах протеста), множатся примеры нарушений «правил игры» со стороны власти, создаются формальные и неформальные препятствия деятельности оппозиции (запрещение «Маршей», организация хакерских атак и закрытие оппозиционных сайтов). Это предполагает в том числе высокий уровень самоорганизации гражданского общества, способность к предъявлению реальных интересов, рациональность действий и готовность к сотрудничеству с государством. Практика оппозиционных акций конца 2011-2012 гг. наглядно продемонстрировала, что предложить позитивное решение проблемы всегда сложнее, чем просто выступить против. Современная протестная идентичность россиян еще не сформировалась, но происходит интеграция под общим лозунгом борьбы «за справедливость», а это традиционные для российской политической культуры ценность и установка. В какой мере они будут реализованы в современных условиях и как повлияют на динамику политико-административного режима, ответить сегодня действительно трудно.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Сочинения. М.: Раритет, 1994. 317 с.
2. **Большой юридический словарь** [Электронный ресурс]. URL: <http://law-enc.net/word/protest-4997.html> (дата обращения: 20.08.2012).
3. Браткевич Я. Смуты в России: попытка оценок и прогнозов // Полис. 1994. № 6. С. 32-40.
4. Волкова А. В. Гуманитарные технологии в публичном взаимодействии в современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19). Ч. 2. С. 39-43.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. Т. 3. 576 с.
6. Забелин И. Е. История города Москвы: репринт, воспроизведение издания 1905 г. М.: Наука, 1995. 609 с.
7. Киреевский П. В. Собрание народных песен П. В. Киреевского: в 2-х т. Л.: Наука, 1963. Т. 1. 344 с.
8. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1987-1990. Т. 3. 415 с.
9. Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, 1604-1513. М.: Чарли, 1994. 799 с.
10. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
11. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб.: Стройлеспечать, 1993. 734 с.
12. Пронякин Д. И. Основные доктрины классического анархизма. СПб.: СПбГУ, 1995. 300 с.
13. Соколов А. В., Веревкин А. И. Протестные выступления в субъектах Российской Федерации: пример Калининградской области // Социология власти. 2012. № 2. С. 144-151.
14. Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти кн. М.: Мысль, 1988-1993. Кн. IV. Т. VII-VIII. 1989. 751 с.
15. **Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований**: сборник статей / под ред. Л. В. Сморгунуова, Е. В. Морозовой. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011. 431 с.

RIOT AND TRADITIONS OF RUSSIAN POLITICAL CULTURE

Volkova Anna Vladimirovna, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
St. Petersburg State University
AV.Volkova@rambler.ru

The author defines riot as a traditional (archetypal) manifestation of national consciousness associated with the contradictory attitude of the Russians to freedom and state, law and justice. Protest tradition connects the latest phenomena of the Russian political life (the network forms of citizens' protest activity organization) with the events and phenomena of social life in the early Russian history (local national riots). New features appear along with traditional ones in practice of the public expression of discontent within the framework of law-governed state in Russia.

Key words and phrases: protest behaviour; political culture; traditions; values; riot; legitimation in public consciousness.